

С. А. Багдасаров, А. В. Ленец

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ И ИСПАНИИ

5

Угроза является одним из наиболее эффективных способов воздействия на поведение человека, поскольку напрямую затрагивает его личные интересы. В зависимости от рассматриваемого контекста угроза принимает различные формы, которые могут расходиться с традиционными представлениями о ее структуре и различных языковых маркерах, используемых для ее реализации. В современном политическом дискурсе, который в большой степени определен разного рода условностями и нормами, отмечается частое использование угрозы. Подобное обострение коммуникации может быть связано с различными социоэкономическими проблемами, а также с конфликтами на геополитическом уровне. Данная работа посвящена анализу форм реализации речевого акта угрозы в политическом дискурсе двух европейских стран: Германии и Испании. Производится попытка установить определенные сходства, а также выявить структурные отличия в реализации речевого акта угрозы политиками указанных стран на лексико-грамматическом и прагматическом уровнях. Материалом исследования явились 66 речей немецких и испанских политиков, а именно А. Гаулянда, А. Вайдель, М. Рахоя и И. Мендеса де Виго.

The threat is one of the most effective ways to influence an interlocutor's behavior because it directly affects his or her personal interests. Depending on the context, a threat may take various forms, which can be at odds with the traditional idea of both the structure of a threat and its linguistic markers. Threats are frequently used in contemporary political discourse, which is governed by norms and conventions. The radicalization of communication is a result of social and economic problems as well as geopolitical conflicts. This paper analyses what forms the speech act of threat can take in the political discourses of two European countries: Germany and Spain. It attempts to identify similarities and structural differences in the realization of speech acts of threat at the lexical, grammatical, and pragmatic levels by politicians in these countries. The study relies on sixty-six speeches of German and Spanish politicians: Alexander Gauland, Alice Weidel, Mariano Rajoy, and Íñigo Méndez de Vigo.

Ключевые слова: угроза, речевой акт, политический дискурс, компонентный анализ, лингвопрагматика.

Keywords: threat, speech act, political discourse, componential analysis, linguistic pragmatics.

Введение

6

В последние годы политическая ситуация в Европе характеризуется значительным обострением. При этом вопросы, которые получили интенсивное обсуждение в обществе, связаны с процессами миграции, идентификации национальной культуры, отстаиванием экономических и политических интересов страны. Данные дискуссии нашли свое отражение в таких социальных явлениях, как акции протеста, референдумы в ведущих европейских странах. В этом смысле Германия, Австрия, Франция, Испания не стали исключением, здесь характер происходящих политических, социальных, экономических контактов отражается не только в изменении коммуникативного поля, но и в речевом поведении говорящих. Свидетельством распространения интолерантности и деструктивности социальных отношений является частое использование в речи политиков угроз, ультиматумов и предупреждений с целью оказать воздействие на оппонента [3, с. 89].

Политики все чаще прибегают для достижения поставленных целей к резким и жестким языковым приемам, которые могут обуславливаться такими коммуникативными интенциями, как убеждение, побуждение к выполнению какого-либо действия, желательного для говорящего, высказывание оценки о событиях, реакция на определенные события или действия и др. [5, с. 39; 14]. При этом сами цели, охарактеризованные в общих чертах, можно объединить в диаметрально противоположные группы: борьба за власть и достижение компромисса в ходе переговоров [12, с. 216]. Ввиду этого представляется необходимым исследовать угрозу как один из возможных инструментов воздействия на оппонента в политическом дискурсе.

Цель настоящей статьи — анализ реализации в политическом дискурсе Германии и Испании речевого акта угрозы с точки зрения используемых языковых средств, а также рассмотрение прагматических особенностей его употребления. В связи с поставленной целью необходимо решить следующие задачи: 1) рассмотреть с лингвистической точки зрения речевой акт угрозы в немецкой и испанской лингвокультурах; 2) описать структуру речевого акта угрозы и его лингвопрагматический потенциал в современном политическом дискурсе Германии и Испании; 3) проанализировать особенности языкового оформления речевого акта угрозы в политическом немецкоязычном и испаноязычном дискурсах.

Материал и методы исследования

Исследование проводилось на материале речей политиков Германии и Испании. При этом были выбраны выступления представителей партий, которые стремятся изменить политику, проводимую в настоящее время в Германии и Испании: партии «Альтернатива для Германии» (далее АдГ; нем. *Alternative für Deutschland, AfD*) и Народной партии (далее НП; исп. *Partido Popular, PP*). Обе партии располагаются в

правом секторе политического спектра с некоторыми различиями: АдГ часто называют партией ультраправого толка, в то время как Народная партия Испании располагается ближе к центру. Представители обеих партий нередко апеллируют к национальной самобытности и национальному единству. Партия АдГ — сравнительно молодая партия Германии (основана в 2013 г.) и пока набирает свой политический вес в стране, тогда как оппозиционная НП в Испании не только обладает более долгой историей (основана в 1976 г.), но и по праву может считаться одной из самых крупных в Испании и Европе. Представители АдГ Александр Гауланд (нем. *Alexander Gauland*), Алис Вайдель (нем. *Alice Weidel*) и НП Мариано Рахой (исп. *Mariano Rajoy*), Иньиго Мендес де Виго (исп. *Íñigo Méndez de Vigo*) являются одними из лидеров данных партий.

С 2004 г. М. Рахой (род. 27.03.1955 г.) был лидером НП и с 2011 г. возглавлял правительство Испании, однако летом 2018 г. был вынужден оставить оба поста вследствие вынесенного ему вотума недоверия. И. Мендес де Виго (род. 21.01.1956 г.) занимал пост министра при М. Рахое и, кроме того, исполнял обязанности спикера правительства. Специфика выступлений этих испанских политиков в высокой степени обусловлена обострением территориального конфликта в Каталонии, результатом которого стало проведение референдума о независимости (признанного недействительным Конституционным судом Испании) и провозглашение независимости, имевшее, однако, лишь символический характер и не приведшее ни к каким реальным последствиям.

События, параллельно разворачивавшиеся на немецкой политической арене, также не способствовали стабилизации положения в стране: суровый миграционный кризис подорвал веру многих граждан в традиционные партии, что привело к резкому подъему партии ультраправого спектра АдГ. Кроме того, ситуация усугублялась заметными трудностями, с которыми набравшие наибольшее количество голосов партии столкнулись при формировании правительства. Все это, безусловно, оказало влияние на коммуникацию между политиками в парламенте. Ведущими кандидатами от АдГ на выборах в 2017 г. были А. Гауланд и А. Вайдель. Юрист и публицист А. Гауланд (род. 20.02.1941 г.) принадлежал к партии ХДС, а с 2013 г. — к партии АдГ, где занимал ведущие должности. К этой же партии принадлежит А. Вайдель (род. 06.02.1979 г.), которая с 2017 г. занимает пост сопредседателя.

Выступления немецких и испанских политиков, рассматриваемые в рамках данной работы, характеризуются не только агрессивными высказываниями, но и порой радикальными заявлениями, содержащими угрозы в адрес оппонентов. Речи политиков доступны в открытом пространстве Интернета на сайте Бундестага (<https://www.bundestag.de>) и сайте Испанского правительства (<https://www.lamoncloa.gob.es/Paginas/index.aspx>).

Для отбора материала был использован метод сплошной выборки. При анализе высказываний применялись методы контекстуального и компонентного анализа. Благодаря контекстуальному анализу стало

возможно рассмотреть особенности реализации речевого акта угрозы как в микроконтексте (отдельно взятая речь того или иного политика), так и в макроконтексте (общеполитическая ситуация в стране и взаимодействие в парламенте различных политических сил). Компонентный же анализ позволил исследовать особенности использования различных языковых элементов для артикуляции речевого акта угрозы. В общей сложности были проанализированы 66 публичных выступлений (34 со стороны немецких политиков и 32 со стороны испанских), из которых было отобрано около 100 высказываний, содержащих в себе речевой акт угрозы.

8

Прежде чем перейти к рассмотрению угрозы с позиций теории речевых актов, в рамках данного исследования видится необходимым обратиться к тому, каким образом феномен угрозы отражается в картине мира, запечатленной в выбранных для анализа языках, а именно в испанском и немецком.

Угроза как объект лингвистического анализа

Предварительно целесообразно рассмотреть дефиниции лексемы *угроза*, которые предлагают различные немецкие и испанские толковые словари. В толковом словаре *немецкого языка* значение лексемы *Drohung* объясняется через глагол *drohen*: *das Drohen* (1), *drohende Äußerung, Geste* [15]. Обратившись, в свою очередь, к толкованию данного глагола, можно увидеть, что ключевым для немецкой языковой картины мира является **воздействующий потенциал** угрозы, ее применение с целью тем или иным образом повлиять на поведение другого человека: *jemanden durch Gesten oder emphatische, nachdrückliche Worte einzuschüchtern versuchen, damit er etwas nicht zu tun wagt* / *попытаться запугать кого-то жестами или решительными, убедительными словами, чтобы он не отважился что-либо вытолкнуть*¹ [15]. Следует отметить, что указание на возможный вред, который может понести адресат угрозы, также присутствует и в другой дефиниции: *darauf hinweisen, dass etwas für jemanden Unangenehmes geschehen wird, falls er sich nicht den Forderungen entsprechend verhält* / *указать на то, что с кем-то случится что-то неприятное, если этот кто-то не будет вести себя в соответствии с требованиями* [15]. В данной дефиниции связь между вредом и поведением адресата угрозы очевидна, что позволяет трактовать этот вред как возможное наказание за поведение, не соответствующее определенным требованиям.

Что касается *испанского языка*, для разбора дефиниций лексемы «угроза» следует обратиться к словарю Королевской академии испанского языка [14] и к толковому словарю испанского языка Марии Молинер ввиду того, что эти два словаря являются наиболее признанными и авторитетными лексикографическими источниками в испаноязычном пространстве. Перед тем как перейти непосредственно к разбору дефиниций, необходимо отметить, что, как и в случае со словарем

¹ Пер. с немецкого и испанского на русский язык здесь и далее наш. — С.Б., А.Л.

DUDEN, толковые словари испанского языка объясняют значение существительного *угроза* (*amenaza*) как действие, выражаемое глаголом *угрожать* (*acción de amenazar*).

В словаре Королевской академии испанского языка этот глагол определяется следующим образом: *Dar a entender con actos o palabras que se quiere hacer algún mal a alguien / продемонстрировать с помощью действий или слов намерение причинить кому-то какой-либо вред* [14]. В отличие от немецкой лингвокультуры, в испанской угроза в первую очередь ассоциируется с **причинением вреда**, а не с воздействием на поведение человека. Подобное воздействие, вероятно, может подразумеваться имплицитно, но оно никак не отражено в дефиниции, зафиксированной в толковом словаре.

Схожую ситуацию можно наблюдать в словаре Марии Молинер, в котором глагол *amenazar* определяется как *anunciar alguien a otro con palabras o con gestos, que le va a pegar, a matar o a hacer cualquier daño / о человеке: с помощью слов или жестов объявить другому человеку о своем намерении ударить, убить его или причинить ему какой-либо вред* [17, p. 161]. В данном случае вред, который может претерпеть адресат угрозы, конкретизируется с помощью глаголов *pegar* (*бить*) и *matar* (*убивать*), в то время как какое-либо психологическое воздействие на адресата угрозы для достижения определенных целей эксплицитно никак не упоминается.

Исследование угрозы в гуманитарных науках

Представляется целесообразным обратиться к определениям термина «угроза», которые существуют в различных областях научного знания. В *конфликтологии* под угрозой понимается «тактическое средство воздействия на оппонента, выражение сообщением или поведением намерения предпринять что-то, что повредит интересам другой стороны» [1, с. 451]. В конфликтологии угроза рассматривается как одна из форм взаимодействия лиц в условиях конфликта. Кроме того, отмечается, что используемая для достижения определенной цели угроза может воздействовать как на рассудок и здравый смысл, так и на чувства человека, который является объектом угрозы.

В *юриспруденции* угроза трактуется как «словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам» [8]. В отличие от конфликтологии, в юриспруденции угроза рассматривается не как одна из поведенческих форм или один из способов воздействия, а скорее как вид психического насилия, который уже сам по себе в некоторых случаях может считаться составом преступления.

Сходная точка зрения на определение термина «угроза» представлена в *политологии*. Так, «угроза — это высказанное в любой форме намерение нанести физический, материальный или иной вред общественным или личным интересам» [10]. В данном случае акцент также делается не на намерении причинить кому-либо вред, а на желании

оказать на человека воздействие с целью каким-либо образом изменить его поведение. Объясняется это не только избранным материалом исследования (политический дискурс), но и характеристикой современного политического дискурса, для которого типично использование агрессивно убеждающих / персуазивных высказываний, включающих в том числе и угрозу.

Все представленные определения обладают одним общим компонентом – это *намерение совершить негативное действие по отношению к другому человеку*. Остальные аспекты понимания угрозы в различных областях знания варьируются в зависимости от того, какой именно аспект межличностного взаимодействия представляется наиболее важным.

Условия нарастания социальной агрессии, противостояние политических партий и идеологий в заметной мере влияют на современный политический дискурс, который характеризуется распространением деструктивных форм выражения.

Лингвопрагматический аспект речевого акта угрозы в политическом дискурсе

Все вышесказанное позволяет установить прагматический аспект угрозы, которую следует рассматривать как речевой акт, понимаемый как целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами, существующими в данном обществе [2, с. 412]. При этом следует отметить, что речевой акт угрозы (далее – РАУ) обладает специфическими условиями реализации, наличие которых определяет сущностные характеристики выражаемого в ходе осуществления этого РА коммуникативного смысла, независимо от того, какая языковая форма используется в качестве средства выражения угрозы [12].

Действенность угрозы заключается в ее воздействующем, или манипулятивном, эффекте, то есть таких изменениях в состоянии собеседника, которые происходят с ним уже после получения угрозы. Действенность угрозы в значительной мере зависит от соблюдения следующих условий самого РАУ:

1) предварительные условия: а) наличие реципиента угрозы и враждебное отношение к нему со стороны говорящего; б) способность и возможность осуществления объявленного действия;

2) существенное условие: выражение (эксплицитное или имплицитное) намерения совершить негативное действие по отношению к реципиенту угрозы;

3) условие искренности: говорящий действительно намерен совершить объявленное действие, но только при условии несоответствия поведения реципиента угрозы установленным говорящим параметрам;

4) условие пропозиционального содержания: футуральная направленность угрозы [9, с. 109].

Приняв во внимание экстралингвистический фактор, следует выделить два вида угрозы: ментальное изменение состояния получателя угрозы (угроза эмоционального, психологического вреда и др.) и физическое его изменение (угроза нанесения физического вреда, угроза жизни и др.). В зависимости от особенностей ситуации общения и *намерения* говорящего угроза может быть выражена эксплицитно или имплицитно. При прямом эксплицитном способе в РАУ соблюдаются все условия успешности этого РА. Косвенный эксплицитный способ предполагает соблюдение одного или двух из основных условий успешности РАУ, а остальные условия имплицитируются, в то время как косвенный имплицитный способ предполагает не только принятие на себя обязательства по нанесению ущерба получателю, но и указание на последствия этого ущерба. Рассмотрим это на следующих примерах:

(1) Nadie está por encima de las leyes, todos somos responsables de nuestros actos y quien vulnere las leyes deberá enfrentarse a sus consecuencias / Никто не стоит выше закона, и каждый из нас несет ответственность за свои поступки. Те, кто нарушат закон, должны будут встретиться лицом к лицу с последствиями (И. Мендес де Виго).

(2) Das alles ist die direkte Konsequenz nach 12 Jahren von Angela Merkel und darum kann ich Ihnen sagen, wir zerren diese Frau vor den Kadi / Все это – результат двенадцатилетнего правления Ангелы Меркель, и поэтому, уверяю вас, мы призовем эту даму к ответственности (А. Вайдель).

Приведенные высказывания могут трактоваться как эксплицитные угрозы ввиду того, что в них имеется прямое указание на события / действия, воспринимаемые слушателем как привлечение к ответственности за совершенные поступки. Однако в ряде случаев угроза становится понятной лишь благодаря непосредственному контексту:

(3) El Estado de Derecho ha demostrado que tiene mecanismos democráticos y eficaces para defenderse / Наше правовое государство доказало, что оно располагает действенными механизмами защиты, основывающимися на демократических принципах (М. Рахой).

На первый взгляд данное высказывание оформлено как ассертив, однако менасивный компонент заключен в лексеме *defenderse* (*защищаться*): говорящий подчеркивает, что в случае необходимости будут предприняты определенные меры для предотвращения действий слушающего, интересам которого это явно противоречит.

(4) Ihrem ganzen Geschrei entnehme ich, dass Sie lieber über Spenden und Parteifinanzierung reden wollen... Also gut, reden wir darüber / Из всех Ваших криков мне ясно, что вы предпочитаете говорить о пожертвованиях и партийном финансировании... Что ж, хорошо, давайте об этом поговорим (А. Вайдель).

В данном случае партии говорящего были предъявлены обвинения в нелегальном финансировании; говорящий, в свою очередь, намеревается распространить аналогичную информацию о некоторых других партиях, представленных в парламенте, что явно негативно скажется на их оценке со стороны потенциальных избирателей. Поэтому фраза *Also gut, reden wir darüber* может трактоваться как имплицитная угроза, непосредственно предшествующая реализации данной угрозы.

Выявленные нами условия осуществления РАУ будут способствовать получению обоснованной классификации *иллокутивного аспекта* РАУ. Ряд исследователей (А. А. Арский, Е. В. Ерофеева и др.) причисляют угрозу к директивным речевым актам, отталкиваясь от положения о том, что она обладает модальностью волеизъявления и используется с целью влияния на действия и поступки адресата угрозы. При этом в качестве одной из отличительных черт речевого акта угрозы отмечается нежелательность упоминаемого действия для слушающего, что является стимулом к изменению его поведения и подчинению воле говорящего.

Однако существует также точка зрения, согласно которой угроза не может считаться директивным речевым актом, потому что действие выполняется говорящим (по крайней мере говорящий берет на себя обязательство осуществить это действие), тогда как согласно общей модели директивных речевых актов в роли деятеля должен выступать слушающий [7, с. 71]. В этом случае подчеркивается комиссивный характер РАУ.

В этой связи представляется возможным рассматривать РАУ как речевой акт комплексного характера: он может включать в себя одновременно менасивную и директивную иллокуции, как это, например, происходит в следующем высказывании:

(5) ...und deshalb hört meine Toleranz spätestens da auf, wo mir keine entgegengebracht wird / ...и именно поэтому моя терпимость заканчивается в конце концов тогда, когда ее нет уже по отношению ко мне (А. Вайдель).

В приведенном примере угроза косвенно выступает в роли средства воздействия на слушателя, так как во фразе устанавливается условие вступления угрозы в силу, а значит, слушателю сообщается также желательная для говорящего модель поведения. Описание подобной комплексной структуры РАУ с условным компонентом мы находим в работе А. Бланко Сальгуэйро, который предлагает следующий способ формального представления таких речевых актов: $De(R\ d\ a1) \wedge (\neg(R\ d\ a1) \rightarrow Th(S\ d\ a2))$, где *De* соответствует условию угрозы с директивным компонентом (от англ. «I demand»), которое заключается в выполнении (*d*) реципиентом угрозы (*R*) некоего действия (*a1*). Несоблюдение данного условия связано с угрозой (*Th* – от англ. «I threaten») говорящего (*S*) совершить (*d*) некое действие (*a2*) [13, р. 218]. Исследователи отмечают, что подобный комплексный характер речевого акта угрозы подчерки-

вадет необходимость принимать во внимание разного рода экстралингвистические факторы, которые помогут установить истинные намерения говорящего.

Однако в ходе проведенного анализа политических выступлений немецких и испанских политиков нами было выявлено лишь 22 РАУ такого комплексного типа. Приведем некоторые примеры.

(6) Und, liebe Kollegen, wenn viele dieser Flüchtlinge dann auch noch Straftaten begehen, ist eben Schluss mit der Geduld / Итак, уважаемые коллеги, если многие из этих беженцев затем еще и совершают преступления, то терпению просто приходит конец (А. Гауланд).

Структура данного высказывания похожа на описанную в примере (5). Говорящий эксплицирует условия реализации угрозы (*Schluss mit der Geduld*), давая понять слушающему, что данная модель поведения вызовет негативные для него последствия.

(7) ...No se acordará que haya un período transitorio hasta que no se resuelva definitivamente cómo queda la relación futura entre el Reino Unido y la Unión Europea / ...Не будет никакого договора о наличии переходного периода до тех пор, пока не будет окончательно решено, какой вид примут будущие отношения между Соединенным Королевством и Евросоюзом (М. Рахой).

В приведенном примере говорящий обозначает в условии желаемый для себя результат и использует угрозу политического блокирования (*no se acordará que haya un período transitorio*) для достижения этого результата.

В ходе нашего исследования было отмечено большое количество РАУ, которые являются не средством влияния на будущее поведение слушающего, а реакцией на уже свершившиеся события или настоящее положение дел:

(8) Diesem nicht hinnehmbaren Zustand wird sich die AfD, die Alternative für Deutschland – und dafür sind wir angetreten –, mit aller Kraft entgegenstellen / «Альтернатива для Германии» будет всеми силами бороться с этой неприемлемой ситуацией. Для этого мы и пришли в политику (А. Вайдель).

(9) Sehr geehrte Damen und Herren, das ist ein Skandal, und Sie haben das zu verantworten / Уважаемые дамы и господа, это скандал, и Вам придется понести за это ответ (А. Вайдель).

(10) En política y en la vida cada uno es responsable de sus actos. Por tanto, la alcaldesa de Barcelona será responsable de sus actos / В политике и в жизни каждый ответственен за свои поступки. Поэтому мэр Барселоны понесет ответственность за свои действия (И. Мендес де Виго).

(11) Ni el gobierno ni los tribunales pueden tolerarlo bajo ningún concepto / Ни правительство, ни судебная власть не могут потерпеть этого ни при каких обстоятельствах (М. Рахой).

Во всех приведенных высказываниях не обозначается условие вступления в силу угрозы, потому что нежелательные для говорящего события уже свершились. Ввиду этого присутствуют лишь указания на действия говорящего, которые последуют в качестве ответа и подразумевают неблагоприятный исход для слушающего.

Выводы

Анализ отобранных примеров позволил установить, что для испанского политического дискурса типичен некоторый двойственный характер РАУ. Так, одно и то же высказывание подразумевает разных слушателей и поэтому может рассматриваться одновременно как обещание для одного из них и как угроза для другого. Кроме того, испанские политики для выражения угрозы склонны использовать лексемы, связанные с принципом защиты. Угроза принимает более завуалированный характер, а сам говорящий подчеркивает, что предпримет какие-либо неблагоприятные для слушающего действия только в целях защиты своих интересов или интересов членов коллектива, к которому он принадлежит (партия, правительство и т.д.), а ответственность за возможные негативные последствия ложится целиком и полностью на слушающего.

Что касается немецкого политического дискурса, необходимо отметить, что большинство РАУ были реализованы с помощью так называемого футурального презенса (то есть глагольных форм настоящего времени, которые тем не менее обозначают действие, направленное в будущее). Следует предположить, что подобное грамматическое оформление РАУ служит для эмфатизации угрозы и указания на неотвратимость ее осуществления. В немецком политическом дискурсе были также выявлены высказывания, в которых глаголы опускались и вся смысловая нагрузка РАУ ложилась на имена существительные, что также могло носить эмфатический характер. Подобных случаев реализации РАУ в испанском политическом дискурсе не отмечалось.

Таким образом, для политического дискурса обеих стран характерно использование при реализации РАУ модальных глаголов (в особенности глаголов с модальностью долженствования) и таких лексем, как *verantwortlich / responsable* (ответственный, несущий ответственность), *verantworten / responder* (нести ответственность), *Verantwortung / responsabilidad* (ответственность). В условиях нарастания социальной агрессии необходимы поиск и внедрение принципов бесконфликтного взаимодействия для предупреждения социальных рисков, сохранения максимально возможной положительной коннотации социально-политического дискурса и его ориентации на конструктивные формы взаимодействия.

Список литературы

1. Анциупов А. Я., Шипилов А. И. Словарь конфликтолога. 2-е изд. СПб., 2006.
2. Арутюнова Н. Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 412.
3. Гаус К. О., Рябова М. Ю. Реализация концепта Threat в политическом дискурсе // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2017. Вып. 38. С. 89–92.
4. Ерофеева Е. В. Речевые акты угрозы и предупреждения и их косвенная реализация во французском дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. №4 (50). С. 240–247.
5. Зорина Н. М., Киреевкова З. А., Краснова О. Н. К вопросу об особенностях политического дискурса в современной России // Сервис plus: Культура и цивилизация. 2017. Т. 11, № 1. С. 37–43.
6. Жучков Д. О. К вопросу об определении и классификационной принадлежности речевого акта угрозы // Вестник ВГУ: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 69–71.
7. Жучков Д. О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010.
8. Крутских В. Е., Сухарев А. Я., Сухарева А. Я. Большой юридический словарь. М., 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18992> (дата обращения: 10.04.2019).
9. Рабиль Т. Б., Юматов В. А. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: Юридические науки. 2015. №9. С. 108–111.
10. Санжаревский И. И. Политическая наука : словарь-справочник. М., 2010. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/2941> (дата обращения: 14.04.2019).
11. Соколова О. Л., Скопова Л. Е., Ренер Е. И. Речевые акты различной коммуникативной направленности: прагматические аспекты (на материале французского языка) // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (6). С. 154–158.
12. Энштейн О. В. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1 (2). С. 216–220.
13. Blanco Salgueiro A. Promises, threats, and the foundations of speech act theory // Pragmatics. 2010. Vol. 20, № 2. P. 213–228.
14. Diccionario de la RAE. Diccionario de la lengua española. Edición del Tricentenario. 2019. URL: <https://dle.rae.es/?w=diccionario> (дата обращения: 20.01.2019).
15. DUDEN Wörterbuch. 2019. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (дата обращения: 20.01.2019).
16. Girth H. Sprachverwendung in der Politik. 2010. URL: <http://www.bpb.de/politik/grundfragen/spra-che-undpolitik/42687/sprachverwendung> (дата обращения: 18.01.2019).
17. Moliner M. Diccionario de uso del español. 2^{nda} ed. Madrid, 2004.
18. Probst N., Shkapenko T., Tkachenko A., Chernyakov A. Speech act of threat in everyday conflict discourse: production and perception // LEGE ARTIS: Language yesterday, today and tomorrow. 2018. Vol. III, № 2. P. 204–250.
19. Safwat S. Speech acts in political speeches // Journal of Modern Education Review. 2015. Vol. 5, № 7. P. 699–706.

Об авторах

Сергей Александрович Багдасаров – магистрант, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: bagdasarov@sfedu.ru

Анна Викторовна Ленец – д-р филол. наук, доц., зав. кафедрой немецкой филологии, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: annalenets@sfedu.ru

The authors

Sergei A. Bagdasarov, Master's Student, Southern Federal University, Russia.

E-mail: bagdasarov@sfedu.ru

Prof. Anna V. Lenets, Head of the Department of German Philology, Southern Federal University, Russia.

E-mail: annalenets@sfedu.ru